

И. М. Иванов

Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность

Жизнь замечательных людей

И. М. Иванов

**Петр Великий. Его жизнь и
государственная деятельность**

«Public Domain»

Иванов И. М.

Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность
/ И. М. Иванов — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

© Иванов И. М.

© Public Domain

Содержание

Введение	7
Глава I. Рождение. Детство и юность	14
Глава II. Начало единодержавия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

И. М. Иванов
Петр Великий
Его жизнь и государственная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Петра Великого,
гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

У Отца отечества были, конечно, родители и предки, – те именно самые, на которых указывает “родословие царской фамилии”. Но со стороны наследственности физическая и психическая организация Петра до сих пор не исследована научно. Род Захарьиных-Романовых дал много воевод и сановников. Но они выдвинулись главным образом преданностью московским царям и ревностным служением православной церкви. Энергичный и устойчивый характер Филарета во многом уступает несокрушимой воле и широкому размаху могучих страстей Преобразователя. От кого наследовал Петр талант полководца, дальновидность политика, правдивость и гений великого исторического деятеля, – биографы не дают ответа. Но несомненно, что сила и направление его стремительной воли, не знавшей препятствий, могли выработаться только в условиях московского самодержавия. Для Петра “я хочу” сливалось с формулой “быть по сему”, образовавшейся исторически. Исходным пунктом власти московских царей послужила защита русской народности и охрана правоверия. С поворотом народной жизни от востока к западу самодержавие принимает формы европейской государственности.

“Тишайший” царь Алексей высказывал самое возвышенное представление о своих самодержавных правах: “Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду”. Но между желанием и исполнением лежала целая пропасть; действительность не мирилась с субъективным настроением царя: “Добрый Алексей, – пишет Мейерберг, – находится совершенно в осаде у своих вельмож и любимцев, так что никому нет к нему доступа. А эти любимцы скрывают от него вопли угнетенных ими, и нужды царства, и поражение войск русских; если же не скрывают, то представляют все в таком виде, как это нужно для их целей”. Царь терял связь с народом, с русской землей. Был момент, когда московское самодержавие перерождалось в восточную деспотию. Но обожествления человеческой личности, на какой бы высоте она ни стояла, не допускало натуральное мирозерцание славян и сущность христианского вероучения. Мистификация была невозможна также вследствие международного положения государства. Москва слишком близко придвинулась к западноевропейским культурам.

Право, как известно, не существует искони, а образуется во времени, не субъективным произволом людей, а объективным процессом жизни народов. От первоначальных условий зависит судьба каждого исторического движения. Остановимся поэтому на главных моментах эволюции московского самодержавия, которое впоследствии преобразуется в высшие формы государственности.

Татарское иго перенесло центр политической жизни Руси с запада к востоку. Экономический достаток московских князей образовал ядро новой государственности. Князья-помещики, князья-хозяева прежде всего заботились о том, чтобы умножить свои имения и обратить их в наследственную вотчину. Они с одинаковым искусством пользовались деньгами, родственными связями и политическими обстоятельствами. Как князья православные, они являлись центром объединения Русской Земли; собирая же ордынскую дань, московские князья, слуги татарского хана, округляли свои вотчины владениями удельных князей и северной вольной Руси. С ростом государства росла и политическая власть. В то же время древнерусская проповедь и письменность подготовляли умы к восприятию новых политических начал. “Цари и князья, – внушали пастыри, – не должны предавать стадо Христово на разхищение зверям, то есть иудеям, эллинам, еретикам, отступникам и всем неверным”. Заимствуя примеры и идеи из ветхозаветной и византийской литературы, православные публицисты создают теорию русского царства.

После флорентийской унии великий князь Московский является в новой роли блюстителя правоверия и назван “царем истинной веры православия”. Великий князь Василий так формулирует свои самодержавные стремления митрополиту Киприану: “Вы поставлены к миру и любви учить, мне же именоване собирать и возноситься”. Иван III титулуется себя “Божией милостью единый правый государь всея Руси и самодержец”. С приездом Софии Палеолог он принимает, по преемству от византийского императора, герб двуглавого орла, устанавливает придворный этикет и обычай венчания на царство торжественным церковным обрядом.

Передача власти всех одному происходит почти бессознательно, в силу потребности самосохранения и охраны православия от внешних врагов: татар, поляков, шведов, немцев. Государственное тело росло, крепло, развивалось и распространялось по направлению меньшего сопротивления: теряли вольность Псков и Новгород, покорялись Казань и Астрахань, завоевывалась Сибирь, возвращались Литовские земли, присоединялась Малороссия. Самой элементарной, но и самой главной потребностью оставалась потребность национальной защиты и политического роста. Международные столкновения развивают внутреннее строение. Политические отправления налагают некоторые ограничения на свободу граждан и крестьян. Сложное сотрудничество, то есть разделение труда, благодаря которому только и возможно общество и развитие военной силы, получает организацию принудительную и приказную. По мере роста социального организма ослабевают прежние кровные связи между особями, опека рода над личностью; уничтожаются первоначальные природные подразделения; мелкие местные общества соединяются в более крупные. Самодовлеющая организация отрицает всякое независимое сотрудничество, всякий другой свободный союз. Все сословия призываются на службу государства. В XVI столетии московское правительство еще не установило этого правила, но историческая действительность уже подготовила материальные условия для его установления.

Так, отдельные слои населения, посредством “службы”, “тягла”, “крепости к земле”, становятся полусвободными сословиями Московского государства.

Царствование Иоанна IV представляет собой кровавую страницу борьбы власти с московской аристократией и окончательное поражение последней. Грозный повелел “хотение свое творить от Бога повинным рабом”, которые “по Божию повелению не должны отменяться своего работного ига и владычества своего государя”. Он с негодованием отвергает всякое значение избранной рады, так как, по его мнению, российские самодержцы “изначала сами владеют своими царствами”, и государь не может называться самодержцем, “если не сам строит”. В том же смысле он писал Курбскому: “Тщуся со усердием люди во истину и на свет наставить, да познают Бога истинного и от Бога данного им государя”.

Смутное время опять выдвигает на историческую сцену понятные и дорогие для массы интересы народности и православия, которые осуществиться, по народному воззрению, могли только в конкретных и универсальных формах московского самодержавия.

Для избрания царя земские люди собрались в Москве – традиционном центре политической жизни России. Знатные бояре не однажды, в годы малолетства царей и междуцарствия, захватывали верховную власть в свои руки; они и теперь не упускали случая приобрести первенствующее значение в государстве. При избрании на царство шестнадцатилетнего Михаила Шереметев пишет к князю Голицыну: “Миша Романов молод, разумом еще не дошел и для нас будет поваден”. У народа были, конечно, свои соображения. В его сознании свойство кровного родства отождествлялось с правом, имевшим историческое происхождение. “Избрали люди и все православные на Московское царство царем от царскаго роду, царя Федора Ивановича племянника”, – говорится в псковской летописи; то же самое и в летописи Никоновской и о мятежах. Имя Романовых было особенно популярно в народе: Анастасия из их рода – первая жена Иоанна IV; о Никите Романовиче в народе говорили, что

он спас многих от гнева и казней Грозного; были свежи предания и о страданиях семейства Романовых при царе Борисе; наконец, поведение Филарета в деле посольства, его пленение придавали ему значение “мученика за веру и за русскую землю”. Избранный в цари народною волею, Михаил Федорович во всех важных делах совещался с боярами, духовенством и земскими соборами.

При Алексее Михайловиче самодержавие достигает высшего развития, подчинив духовное сословие светскому суду и власти. Личные качества царя, в особенности богословская начитанность, обеспечивали за ним полное торжество при столкновении со своим нравственным патриархом. Но Никон является только выразителем притязаний всего духовного сословия. Гораздо раньше представители церкви проводили в своих посланиях ту мысль, что авторитет священнослужителей выше государственного авторитета. Так, в поучении митрополита Алексея сказано: “А людская чадь Бога бойтесь, а князя чтите, а священство имейте выше своя главы со всяким покорением, без всякого прекословия”. То же самое говорит и Никон; его тон страстнее, речь воодушевленнее, потому что он имеет дело с конкретными фактами возвышения самодержавия. Но, не добываясь возвышения патриаршего престола, Никон в то же время не мог признать подчинения церкви государству.

В борьбе с древнерусской церковью самодержавие нашло для себя поддержку в греческом и, в особенности, малорусском духовенстве. Когда потребовалось переводить Священное Писание, московские ученые книжники “находили еретический смысл там, где встречались грамматические особенности и непонятное для них значение слов”. Пришлось обратиться к чужой помощи: техническая сторона церковной реформы поручена ученому Славинецкому и другим киевским монахам.

Старообрядцы, оставшиеся верными местному преданию, признаны были не только раскольниками, но и государственными преступниками. Их пытали жестокими муками, чтобы выведать учителей; наказывали кнутом и ссылкой каждого, кто укрывал их. Заведомых раскольников казнили или жгли в срубах, а пепел развеивали по ветру. Старообрядцев власть покоряла авторитетом легального духовенства и обновленной церкви, а над самим великорусским духовенством возвышалась авторитетом учености киево-малорусских монахов.

“Вы, новые мудрецы, – писал о них Дамаскин, – выучите по-латыни b, c, d или немного более этого, да и величаетесь; других унижаете, всякий сан, и архиерейский, и священнический, ни во что вменяете, людей искусных в Священном Писании обзываете неучами и невеждами”.

Но правительство предпочитало “новых мудрецов” старому, но невежественному московскому духовенству.

Таким образом, церковная реформа шла в руку государственному началу и была новою ступенью возвышения московского самодержавия.

Около того времени приехал в Москву славянский публицист Юрий Крижанич, с намерением потрудиться в России для своей любимей идеи всеславянства. “Ты единый царь, – говорит он Алексею, – ты нам дан от Бога, чтобы пособить и задунайцам, и ляхам, и чехам, дабы познали свое угнетение и унижение, помыслили о своем просветлении и сбросили с шеи немецкое ярмо”. Крижанич указывал на необходимость преобразований, предвосхитив, таким образом, своей программой многие из будущих реформ. “Мудрость, – пишет он, – переходит от народа к народу~ Теперь пришло время для нашего народа учиться; Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какому подобного не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим у других народов: когда государство возрастет до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе”. Но воззрения пропагандиста на единую церковь Христову и желание “мирить греков и римлян” вызвали преследование

сильных мира сего: с Крижаничем расправились бесцеремонно – сослали на жительство в Тобольск.

Религиозные отношения оказались бессильными связать одноплеменные народы. Деятельное и живое общение Москвы с Западом развилось на почве интересов экономических и политических. Семь веков мы прожили вне общечеловеческих влияний! Органический рост продолжался слишком долго: весь удельно-вечевой и московский период. Москва свергла татарское иго и наследовала внешний блеск Византии, но по своему внутреннему строению осталась самобытным государством, с явно выраженными признаками военного типа. Мирные поселяне, живущие в общинно-трудовом укладе, никогда не могли понять интересов государства и протестовали бунтами, бегством в казачество, переходили в раскол или колонизировали новые земли.

Много было горячего материала в самой Белокаменной; рядом уживались разнообразные общественные элементы: холопы и бояре, кабальные, вольные люди и приказные, посадские и именитые гости, раскольники и никонианцы. Низшие классы находили исход из бедности и угнетения только в пьянстве да грабеже. Знатные бояре, как владельцы феодальных замков, разбойничали по проезжим дорогам и из своих хором, обнесенных высоким тыном, выпускали на прохожих псов и вооруженных холопов. Случалось, что стрельцы, по самым ничтожным поводам, шли войной на солдат Немецкой слободы: тогда на мирных улицах и площадях первопрестольной разыгрывались настоящие сражения с рукопашной схваткой и пальбой из ружей и пушек. Нередки были бунты и мятежи в Москве. Шумные волны бушующего народа достигали Кремля и царского дворца. Толпа требовала от царя смены временщиков, – “иначе народ погибнет вконец!” Правительство делало уступки, отставляло провинившихся и назначало новых лиц на место их, но порядок дел оставался прежним. В массе постоянно держалось недовольство и глухой ропот на приказное правление, которое слыло под названием “московской волокиты”. Пожары, разбои и волнения – обычные народные бедствия того времени.

“Общее недовольство сословий, – пишет Устрялов, – заметное в последние годы царствования Михаила Федоровича, разразилось, по воцарении сына его, страшным бунтом в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Вскоре после того вспыхнул бунт коломенский; там поднялся на Дону Разин; тут взволновалась Малороссия. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась”.

Между народом и государством существовал постоянный антагонизм. Сила Русской Земли сконцентрировалась, как в фокусе, во власти главы государства, но московская форма не была верным выражением народной жизни. Причина ясна: интересам земли не отвечали порядки, продиктованные политическими потребностями. Когда Московское государство вошло в политические сношения с Западом, сами собой возникали сравнения русских порядков с иноземными и явилась потребность в новых средствах национальной самозащиты.

Россию с культурными народами сближали ранее других представители торговли и промышленность, а затем – путешественники и ученые, обладающие страстью к географическим открытиям или приезжающие в Россию с политическими намерениями и предложениями.

Медленно, но непрерывно завязывались торгово-промышленные сношения между русскими и иностранцами. Мало-помалу англичане забрали в свои руки всю внешнюю торговлю Московского государства. Русские торговцы из разных городов подали царю Алексею челобитную, в которой умоляли “не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости”, иноземцы смеются над русскими купцами: “Мы их-де заставим торговать одними лаптями”. Правительство принимало меры против свободной торговли иностранцев, покровительствовало национальной промышлен-

ности, вызывало из-за границы мастеров и заводчиков, но своим подданным не разрешало свободного выезда из пределов государства.

За границу ездить “не поволено!” кроме как по царскому указу да по торговым делам. Духовенство опасалось, что православные, “узнав тамошних государств веру и обычаи, начали бы свою отменять и приставать к иным”. За тех, которые торгуют за границей, собирали “познатных нарочитых людей поручные записи, за крепкими поруками”. А кто был за границей без проезжей грамоты, того, “пытавши, казнили смертью”; когда же оказывалось, что он ездил действительно по торговому делу, то били только кнутом, “чтобы иным неповадно было” (“Уложение”, VI, 40).

Но “новшества” проникали в жизнь силой вещей. Предметы удовольствия и удобств жизни допускались во дворце и домах московской знати; наибольшее распространение приобрели часы, музыкальные инструменты, немецкие платья, картины, заграничные экипажи. Среди бояр выделялось несколько западников: Матвеев, Ордын-Нащокин, Ртищев. Тем не менее старая московская партия была еще сильна и крепко стояла за национальную обособленность и косность. Сохранился указ “о неношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю”, данный в последний год царствования Алексея Михайловича (Полн. собр. зак., № 607, августа 1675 г.). Но распоряжение патриарха и происки старой партии являлись теперь, что называется, отрицательной пропагандой новшеств. Через запрещение желание обладать удобствами жизни не уменьшалось, и никакими средствами нельзя было уничтожить раз проникшие в жизнь представления о культуре. Неудовлетворенные потребности становились страстнее и интереснее, – вот причина, почему поток нововведений проявил особенную силу и стремительность, когда снесена была плотина запрещений.

При царском дворе уже служили иностранцы: доктора, аптекари, окулист, алхимик, переводчик, часовых и органных дел мастера и пр. – под ведомством аптекарского приказа. Государственные потребности и, в особенности, ратное дело требовали участия в русской службе иностранцев: офицеров, артиллеристов, инженеров и разных мастеров. При Алексее Михайловиче, по настоянию духовенства, все иностранцы, разных национальностей и исповеданий, выселены были из Москвы на окраину города, в особую слободу, прозванную Немецкою: здесь обитали представители разных ремесел и искусств, принадлежащие к различным национальностям.

Когда Московское государство готово было выйти из национальной замкнутости и отчужденности, тогда оно встретило враждебное отношение к себе соседних государств – Польши, Швеции и даже городов Дерпта, Ревеля, Любека и др. Мотивы его откровенно формулированы еще в 1567 году королем польским Сигизмундом в письме к королеве английской Елизавете: “Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важные причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии, ибо неприятель от сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, он снабжается самими художниками, так что, если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войск и что доселе ему было неизвестно”.

Противопоставление самодержавия народной жизни, с одной стороны, и политическим организациям Запада, с другой, не могло не оказать реакции на сознание главы государства и расширить содержание московского самодержавия постановкой новых целей для государственной деятельности.

Все цари от Иоанна III до Алексея Михайловича высказывали о своих правах в сущности одно и то же, варьируя только выражения: московский царь – единственный православный царь всей Русской Земли. Таково сознание самодержцев – традиционное и идеальное, приподнятое внушением духовенства над фактическими отношениями. Их самосознание было

больше созерцательным, чем деятельным, конкретной формой религиозного и племенного самосознания, замкнутым, устойчивым, передаваемым почти без изменения из поколения в поколение, по традиции. В законе не было еще определения прав самодержавия. Власть отождествлялась с субъектом царя, право – с благочестием и нравственностью. Перемена в экономических и международных отношениях производит кризис в национальном самосознании. Созерцательность, призрачность, самодовольство сменяются сравнением, критикой и, более или менее, сознательной и целесообразной государственной деятельностью.

Внешние отправления – то есть политика – и внутренние процессы – то есть социальная жизнь – государственного организма могли быть примирены и согласованы только такими началом и формой, которые, удовлетворяя материальным нуждам народа, в то же время увеличивали бы политическую силу правительства: это начало – культура, эта высшая форма – промышленное государство.

Накопление знаний, в начале богословских, и постоянное сношение с представителями церкви на Западе и Востоке указали на необходимость церковных исправлений. Реформа, в своем зачаточном виде, уже определяла направление и весь дальнейший ход преобразования: во-первых, местное предание упразднено было государственной властью, во-вторых, реформа не коснулась догматов религии, а ограничилась только внешней стороной – обрядностью, знаком, буквою, то есть техникой исповедания. То же самое и в государственной жизни. Древнерусские столпы: народность и православие, – остались не поколеблены прочным базисом национального развития. Но экономические нужды и требования политического самосохранения и роста создали потребность в западной технике, искусстве и науке. Хозяйство, войско, управление стали организовываться по западноевропейским образцам и под непосредственным влиянием иностранцев. Так, при Алексее Михайловиче, в одном 1661 году, вызвано было из-за границы до 400 иностранцев, а при его сыне Федоре устроено до 63 полков по иноземному образцу. Под влиянием западничества деятельность правительства усложнилась – и если не было еще сознательной постановки внешних целей для правительственной деятельности (ранее господствовали преимущественно интересы религии, расы и нравственности: Алексей Михайлович хотел “править правду”), то теперь на очереди стали новые функции государства: социальные, культурные и политические. Никогда в столь короткий промежуток времени не производилось такого множества перемен. Первое место, конечно, принадлежит церковной реформе и устройству ратного дела; было сделано несколько попыток развития путей сообщения и внешней торговли. При царе Федоре уничтожены “разрядные книги” и местничество; наконец, созван собор “для уравнивания людей всякого чина в платеже податей и в отпращивании соборной службы”. Но потребности внутренней международной жизни настоятельно требовали не исправления каких-либо отдельных отраслей управления, а более важных, коренных преобразований государственного строя и народнохозяйственного быта.

Под влиянием польским и германо-протестантским прежде всего реформируется дворянская и придворная жизнь. Распространяются иностранные приемы общежития, новые удовольствия и увеселения. В молодости царь Алексей писал: “Тем утешаюся, што стольников купаю еже утро в пруде”, – и давал им потешные клички. Своему врожденному чувству художественности он мог удовлетворять только церковной обрядностью, царскими выходами и торжественным приемом послов. Теперь с женитьбой Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне, воспитаннице западника Матвеева, при дворе одни нововведения следуют за другими: сам царь сознательно тянет к Западу, хотя все еще высоко чтит авторитет патриарха и старины. При дворе устроен театр, в котором даются разные комедии с пляской и музыкой. Симеон Полоцкий, придворный проповедник, сочиняет силлабическими виршами комедийные пьесы. Заведена первая театральная школа. По желанию царя Матвеев устроил себе дом в европейском вкусе и украсил свои палаты картинами и мебелью иностранных мастеров.

Женщины, родственницы Матвеева, допускаются в мужское общество, и, к соблазну приверженцев старины, даже сама царица Наталья Кирилловна позволяла себе ездить в открытой карете и показываться народу.

По исчислению одного путешественника, в это время жило в России около 18 тысяч иностранцев.

В родовой вотчине Романовых, в селе Измайлове, в трех верстах от Преображенского, хозяйство велось по иноземному способу. На образцовом хуторе заведены новейшие машины. Мололи хлеб силою ветра или колесами без воды; подымали воду на высоту насосами. Разведен ботанический сад; выписывались из-за границы фруктовые деревья и другие растения; была устроена, по выражению Забелина, “земледельческая академия на совершенно европейский образец”. Измайловский стеклянный завод и другие мануфактурные заведения славились своими изделиями и обучили многих русских новым ремеслам и приемам заводского производства.

В XVII столетии прикладные знания распространялись самыми первобытными путями: не книгой и школой, а личным примером, подражанием и переимчивостью. Учреждая фабрики и заводы, правительство должно было вникать во все экономические и технические подробности производства. Оно прибегало обыкновенно к способу самому простому, но и самому убыточному. Вызывались из-за границы мастера, давались им разные привилегии, и к заводам приписывались деревни и села. Так, на обработку руды правительство дало привилегию нидерландцу Иовису и Петру Марселису, с условием выписывать мастеров из Дании. В 90 верстах от Москвы, по Калужской дороге, и близ Тулы и Каширы производилась обработка железа разных сортов: полосового, листового, пруткового, выделывались гвозди, якоря, мельничные снаряды, ступы, ядра и даже лились пушки. Но заводчики постоянно жаловались на недостаток мастеров и умелых рабочих.

Преобразование вызывалось экономическими потребностями времени. Но “в организме государственном, – справедливо замечает историк Соловьев, – нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, – вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других, но и эти последние находились в служебном отношении к первому”. Как бы то ни было, но все элементы реформы были уже налицо: с передвижением Москвы к Западу создались силы и средства для удовлетворения нарождавшихся государственных и общественных потребностей.

Традиция разрушалась, но национальность оттого нисколько не пострадала. До сих пор инициатива сближения Москвы с Западом принадлежала не русским, а самим иностранцам. Так долго не могло продолжаться. Московские цари были представителями живой исторической народности. Рано или поздно среди них должен был явиться человек, обладающий великой верой в творческие силы жизни, который осознает потребность времени и двинет свой народ на путь сознательного сближения с цивилизованными народами.

Глава I. Рождение. Детство и юность

30 мая 1672 года Москва пробудилась до восхода солнца. Царь Алексей послал по городу радостную весть о рождении сына. Весело перезванивались церкви и монастыри. Бояре, окольные и духовенство спешили с поздравлениями в Кремлевский дворец.

Широко раскинулся первопрестольный город малонаселенной земледельческой страны. Над черной громадой домов, окруженных зелеными садами и огородами, подымалось бесчисленное множество церковных глав и колоколен. Но над всем господствовало жилище великого государя – Кремль, с белокаменной стеной и группой церковью с позолоченными главами. Религиозный интерес был в то время преобладающим. Царское жилище напоминало собою монастырь, в котором, как игуменские кельи, раскинулись, без всякого порядка, красивые здания церковной архитектуры.

Издали, под лучами солнца, Москва, – по выражению Олеария, – казалась великолепным Иерусалимом, внутри же она являлась бедным Вифлеемом. Обширные пустыри, нечистоты, грязь на улицах, хотя и мощенных местами бревнами. Многочисленные слободы, между которыми и городом не было резкой границы, окружены выгонами, огородами и нивами. Дома деревянные, со слюдяными окнами, покрыты щепой и соломой, – постоянные жертвы пожаров. Камня мало было в сельской стране, и шел он исключительно на церковные и казенные постройки, да и те не отличались размерами. Красивые и приветливые издали церкви, даже славный Иван Великий, белый столп с золоченой главой, казались гигантами только по малой высоте соседних зданий и прочих городских сооружений.

В Кремлевском дворце служили благодарственный молебен. Об этом дне существует несколько преданий. Наиболее скромное из них передает, что царь Алексей провел накануне всю ночь в молитве и слезах и впал, наконец, в отчаяние от мучений царицы. Тогда предстал перед ним, во второй раз, монах Симеон Полоцкий, “искусный звездочет и богослов”, и предсказал, что царица останется жива и родит сына.

Родился первенец, крепкий, здоровый, чрезвычайно большой и сильный. С него сняли по обычаю “меру рождения” для доски на икону: длиною – одиннадцати, а шириною трех вершков. Эта кипарисовая доска хранится над гробницей императора. На ней изображены образ Троицы и апостола Петра.

Через час по восходе солнца царь с боярами и духовенством двинулся в собор поклониться праху своих родителей и предков и совершил торжественный обход по церквам и древним монастырям. После обедни, возвратившись во дворец, царь Алексей жаловал, по обычаю, родственников царицы, угощал в столовой и золотой палатах “без зову и мест” бояр и думных людей, полковников и голов стрелецких, оказывал милости убогим, нищим, преступникам. Служили молебны, били в колокола, стреляли из пушек; три дня пировала древняя Москва.

Петра крестили 29 июня в Чудовом монастыре. Крестинным столом закончились придворные торжества. Родители любили и нежили сына. У него была своя детская, обитая серебряными кожами; через два года выстроены новые хоромы. Внутри они покрыты сукном червчатым анбургским и багрянцем; искусные мастера расписали мебель и оконницы красками, серебром и золотом. Штат служащих при дворе царевича помещался в особых деревянных хорамах.

Петр рос и развивался чрезвычайно быстро: на шестом месяце стал ходить. Подвижный и восприимчивый ребенок получал массу живых и приятных впечатлений. Его окружали заботами и роскошью царевича, тешили яркими, гремящими и блестящими игрушками, какие только возможно было достать во дворце. Но, по обыкновению, предпочтение отдавали военным игрушкам. В здоровом и сильном мальчике особенное оживление и

радость вызывали бубны, пищали, барабаны, лучки, пушки, топоры, булавы. Общество его составляли “ребятки младшие сверстники” из боярских детей. Прислужники и дядьки развлекали их военными играми и разными забавами. Первые годы Петра протекли среди сельской природы.

Царское семейство часто жило в селе Преображенском, за рекой Яузой, в трех верстах от Москвы, и предпринимало продолжительные путешествия на богомолье и по дворцовым селам. Трехлетний Петр выезжал в особом возке, подаренном ему боярином Матвеевым.

Когда пришло время ученья, 12 марта 1676 года, после обычной церемонии, представлен был к царевичу учителем “муж кроткий и смиренный, и великих добродетелей исполнен, в грамоте и писать искусный, из приказных”; но именно этому самому искусству Зотов и не сумел обучить живого и пылкого мальчика. Наставник показывал царевичу раскрашенные картинки с изображением зданий, городов, кораблей, исторических событий; рассказывал о деяниях Владимира Святославовича, Невского, Грозного и царя Алексея; но главным предметом изучения было Священное Писание. “Иным языкам, – говорит Кошихин, – латинскому, греческому, немецкому и некоторым, кроме русского, научения в Российском государстве не бывает”. Но зато Петр “все Евангелие и Апостол наизусть или памятью остро прочитал”. Так воспитывали в старину всех царских детей.

После смерти царя Алексея положение при дворе Натальи Кирилловны совершенно изменилось. У нового царя Федора были “неукротимые несогласия” с Натальей Кирилловной. Старшие сестры царя ненавидели свою молодую мачеху. Заодно с ними стояли тетки, старые девы, дочери царя Михаила. Милославские с благоприятелями побуждали Федора преследовать Нарышкиных и всю их партию. Отправили в ссылку Матвеева и двух братьев царицы. Сама Наталья Кирилловна подвергалась всевозможным стеснениям и оскорблениям. Она с сыном удалилась из Москвы в Преображенское; здесь окружали их только родственники и самые близкие люди. Зотова послали в Крым для заключения мира, никем не заменив его при царевиче. На учение и воспитание Петра при дворе не обращали никакого внимания. Борьба партий разрушила устои придворной жизни. По дворцовому этикету того времени, “до 15 лет и более царевича, кроме тех людей, которые к нему уставлены, и кроме бояр и ближних людей, видети никто не может (таков бо есть обычай)”. Отчуждение от двора предохраняло Петра от оупляющего влияния системы придворного воспитания. В Преображенском, в обществе родственников, царевич не был стеснен и гораздо менее мог набраться всяких предрассудков от своей матери, воспитанницы Матвеева, чем среди знатных лиц, окружающих престол. Царевичу была предоставлена полная свобода. Он жил непосредственными впечатлениями, потребностями и стремлениями своей детской природы. Ему были доступны дворец и улица, город и деревня. Из скучного дворца Петр убегал со своими “ребятками из сверстников” на простор полей и в рощи села Преображенского. Шумные детские игры развили воображение и потребность к деятельной жизни. Постоянное общение детей между собою вырабатывало самообладание. Петра ничему не учили, но детская любознательность его не притуплялась, напротив, росла и развивалась с каждым годом. Он учился из непосредственного опыта, при случайных встречах с людьми всех званий и состояний. Выискивалось много охотников, которые находили для себя выгодным давать объяснения и доставлять разные развлечения царевичу и его малолетнему обществу. Нравственное развитие Петра складывалось еще под одним могущественным влиянием. Раздор в царской семье слишком рано будил недобрые чувства и враждебное отношение к родственникам и знатным боярам. Дома видел он вечно недовольную и тоскующую мать, постоянно слышал от окружающих горькие жалобы на обиды, оскорбления и тревожные толки о новых злых замыслах Милославских. Родственники матери, люди не родовитые, бранили при нем знатных за их спесь и лихоимство, осмеивали невежество и ханжество бояр, обвинявших Матвеева в чернокнижии. Партия Нарышкиных видела в Петре свою надежду, залог буду-

щего торжества. Естественно, что эти люди позаботились внушить ему ненависть к боярам и невыгодное представление о том порядке вещей, который принес много страданий и несчастий его матери и близким. Двое старших больных братьев не способны к управлению, – Петр вырастет и займет царский престол. Тогда все переменится. Мать и родственники его станут во главе государства.

Дни царя Федора были сочтены. 25 апреля 1682 года голландский резидент Келлер писал генеральным штатам: “В случае кончины Его Величества, без сомнения тотчас же будет отправлен курьер к Матвееву с приглашением приехать в Москву для отвращения смут, беспорядков и несчастий, которые могли бы произойти при борьбе родственников царя между собою. Намедни прибыли сюда отец и сын Нарышкины, а другого Нарышкина, еще более обвиняемого, ожидают на днях; таким образом, все здешние обстоятельства принимают совершенно другой вид”.

Закона о престолонаследии не существовало. Этот пробел в государственном праве России, даже впоследствии, служил причиной многих беспорядков и смут в государстве. Партия Милославских не могла помешать после смерти Федора избранию десятилетнего Петра. На площади перед Красным крыльцом раздалось только несколько голосов за старшего царевича; но они были покрыты общим криком толпы. Во главе правления государством становилась мать малолетнего царя со своими родственниками. Ее право решилась оспаривать энергичная царевна Софья, сестра покойного царя Федора. Даже по отзыву ее врага она была “больше мужского ума исполненная дева”. Воспитатель ее, ученый монах Полоцкий, посвятил ей в превыспренних выражениях свою книгу “Венец веры”. В теремах была грусть и тоска. Дочери царские не могли выйти за своих подданных, а иностранцы за царевен не сватались. После Алексея строгий надзор за царскими дочерьми прекратился: братья, больной Федор и слабоумный Иван, сами нуждались в уходе и присмотре. Другие царевны воспользовались свободой только для того, чтобы отдаться светским развлечениям; но царевна Софья, ей было уже за 25 лет, не отходила от царя Федора даже при боярах и принимала некоторое участие в государственных делах.

В прошлое царствование Милославские не щадили Наталью Кирилловну, ее родственников и сторонников; с переходом власти в руки Нарышкиных они не могли ожидать и для себя пощады. Им оставалось одно: бороться до тех пор, пока тень права и силы была на их стороне. Законность избрания Петра нельзя оспаривать, но еще возможно было провозгласить царем Иоанна и от его имени править государством.

Привлекая деньгами и богатыми обещаниями, Милославские набрали себе приверженцев, толпу незначительных, но молодых людей, готовых на все и неразборчивых в средствах; через стрелецких полковников и выборных возмущали они дворцовое войско против бояр и нового правительства. Сторону их держал В. В. Голицын, человек европейски образованный и выдающегося ума. Честолюбивый и энергичный старовер князь Хованский ненавидел Нарышкиных за их расположение к “новшествам” и готов был мутить стрельцов, чтобы самому играть первенствующую роль в государстве.

События дворцового переворота оставили глубокие следы в нервной организации десятилетнего Петра. В какой-нибудь год он пережил целую жизнь, и какую ужасную жизнь! Высокая радость при избрании в цари быстро сменилась страхом и печалью при виде бунтующих стрельцов и их кровавой расправы с родственниками и близкими людьми. Эти казни заложили в душу Петра зародыш жестокости и свирепости. Несмотря на нежный возраст, он сохранял все время значительное самообладание; страшное нервное потрясение не уничтожило в нем живой впечатлительности и необыкновенной подвижности. Но в короткое время он быстро вырос и возмужал.

Петр был велик ростом, развивался необыкновенно быстро; его умственные способности поражали иностранцев. Кроме военных игр Петра привлекали к себе ремесленные

занятия. Когда исполнилось царю двенадцать лет, во дворец доставлены были разные ремесленные орудия: верстак и токарные станки, инструменты для переплета книг, печатания и каменных работ. Среди иностранцев нашлось много охотников, званых и незваных, предлагавших свои услуги показать, как следует обращаться с тем или другим инструментом, обучить тому или другому ремеслу. Сильный и смысленный юноша быстро свыкся с трудом и усвоил разные технические навыки, но военные забавы всеми признавались более приличными и подходящими для молодого царя. Детские игры скоро получили значение дела, прохождения курса военных наук.

На четырнадцатом году, совершенно случайно, возобновились учебные занятия. Однажды Петр узнал, что у князя Якова Долгорукова был такой инструмент, которым можно определять расстояния между дальними предметами. Любознательный царь пожелал иметь такой инструмент. Долгорукий привез ему из Франции астролябию и готовальню с измерительными приборами. Отыскался сведущий человек, голландец Тиммерман, и стал обучать Петра арифметике, геометрии и фортификации.

“Немного времени спустя, – рассказывал впоследствии Петр, – случилось нам быть в Измайлове, на льняном дворе, и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей деда Никиты Ивановича Романова, увидеть иностранное судно – бот английский. Франц Тиммерман мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно”. Франц отыскал голландца Карштен-Бранта, который “призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море”. Брант починил бот, сделал мачту и паруса и “на Язуе при мне лавировал, что мне паче удивительно, и зело любо стало”. Так зародилась у Петра страсть к воде и судостроению.

Своих учителей-иностранцев Петр долго считал за великих искусников и знатоков. Но то были все люди практические, ремесленники и военные, обладавшие крайне ограниченными теоретическими сведениями. Тиммерман, например, ошибался в простом умножении, как видно из задач, писанных его рукой в учебных тетрадях Петра. Но до этого Петру было мало дела. Тиммерман мог научить его обращаться с астролябией и вычислять, при каких условиях и на каком расстоянии бомба может упасть на данный предмет; составлял планы крепостей и руководил земляными работами. Карштен-Брант, наставник Петра в кораблестроении, – простой корабельный пушкарь, проживавший в Москве столярной работой. Он, конечно, не был достаточно посвящен в судостроение; но Петр держал его при себе как главного корабельного мастера, строил под его руководством яхты и фрегаты на Переяславском озере. Плотниками и матросами на судах были сам царь с “потешными” солдатами. Генерал Гордон тоже не отличался военными способностями и обращался с взрывчатыми веществами неумело. На маневрах то и дело происходили неудачи и несчастья. Однажды горшок, начиненный горючим веществом, опалил взрывом лицо Петра и поразил стоявших вблизи офицеров. Царь болел после того три месяца. На следующих маневрах пострадал сам генерал Гордон: выстрелом повредило ему ногу выше колена и порохом опалило лицо. На увеселительных фейерверках, которые так любил царь, нередко происходили подобные же истории: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись в воздухе, упала на голову какого-то дворянина, который тут же испустил дух; взрывом состава изуродовало Гордонова зятя, обожгло Тиммермана и до смерти убило трех рабочих. Но Петр продолжал довольствоваться подобными мастерами и наставниками. Они все же могли научить его тому, что никогда бы он не узнал от Зотова, Стрешнева, Голицына, от бояр и других русских.

Самым близким к царю человеком в то время был князь Борис Голицын, не уступавший в уме и образовании своему знаменитому двоюродному брату князю Василию. Но видно, так издревле водилось, что на Руси умный человек был или плутом, или пьяницей. Василий Голицын держал сторону Софьи, но робко и осторожно, воздавая должное почтение

молодому царю и его родне. Борис, говоривший по-латыни, прямодушный, распорядительный, непоколебимо преданный Петру, даже под письмами своими к царю подписывался: «Бориско, хотя быть пьян». Близким другом Петра был сын воспитателя его матери, Андрей Матвеев, знавший по-латыни, любитель чтения, проявивший особенное расположение к иностранцам. Все приближенные Петра были или лично преданные ему люди, совершенно безгласные перед его волей, или стогрели неудовлетворенной жаждой знания и сознательно тянулись к Западу.

Походы, осады и сражения чередовались с веселыми пирушками, в которых немцам принадлежала первенствующая роль. Петру не нравились скучные русские пиры, с пресными яствами, квасом и сладеньким медом. Немцы зазывали молодого царя к себе, в слободу, и там угощали его на славу.

До сих пор Петр не проявлял никакого интереса к государственным делам. На молодого царя несомненно производили сильное впечатление приемы посольства и дворцовые торжества. Он облакался в порфиру, надевал на голову венец, в руки брал скипетр, но едва ли понимал политическое значение тех действий и событий, в которых принимал участие. Даже приготовление к Крымскому походу и проводы войска увлекали его только своей внешней стороной.

Чтобы остепенить сына, мать его женила. Она надеялась, что молодая и красивая жена отучит царя от сумасбродных забав и опасных военных игр. Но вскоре после женитьбы Петр опять увлекся своим любимым занятием – судостроением. Как только вскрылись реки, он поскакал на Переяславское озеро. «Изволила приказывать быть в Москве, – писал он к матери, – и я быть готов, только, ей-ей, дело есть». Через несколько времени он делится с ней своею радостью: «А у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суда все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет. И о том милости прошу, чтобы те канаты, по семи сот сажен, из Пушкарского приказа, не мешкая, присланы были. А за ними дело станет и житье наше продолжится».

По древнерусскому обычаю, Петра признавали совершеннолетним, потому что он был женат. Время от времени молодой царь участвует в заседаниях Думы. 16 декабря 1687 года шведский дипломат сообщает: «теперь царя Петра стали ближе знать, так как Голицын обязан ныне докладывать е. ц. в. о всех важных делах, чего прежде не бывало». Затем 10 февраля 1688 года: «Петр посещает Думу и, как говорят, недавно ночью секретно рассматривал все приказы». И наконец 11 мая: «кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отныне примут участие в управлении государством; несколько дней тому назад брат матери его Лев Нарышкин пожалован в бояре». Партия молодого царя подымала голову.

Царевна Софья после вечного мира с Польшей присвоила себе титул самодержицы. «Для чего учала она писаться с великими государями обще? – говорила Наталья Кирилловна, – у нас люди есть и того дела не покинут».

Между знатью было уже много сторонников Петра; они открыто выражали свое нерасположение к правительнице.

Царевна стала принимать необходимые меры самозащиты. В первых числах августа 1689 года она призвала наверх стрелецких начальников и держала к ним речь:

«Долго ли нам терпеть? Уж житья нашего не стало от Бориса Голицына да от Льва Нарышкина. Царя Петра они с ума споили, брата Иоанна ставят ни во что; комнату его дрывами закидали, меня называют девкою, как будто я и не дочь царя Алексея Михайловича; князю Василию Васильевичу хотят голову отрубить, а он добра много сделал. Польский мир учинил; с Дону выдачи беглых не было, а его промыслом и с Дону отдают. Радела я о всячине, а они все из рук тащат. Можно ли на вас надеяться? Надобны ли мы вам? А буде не надобны, мы найдем себе с братом, где кельи искать!»

Стрельцы отвечали: «Воля ваша, государыня». Царевна наградила их деньгами.

Настроение стрельцов переменилось. После казни князя Хованского и главных зачинщиков, они не доверяли правительнице и опасались гнева законного царя, за которого могли встать “потешное” войско и земское ополчение. Попытка Шакловитого вызвать новый стрелецкий бунт не увенчалась успехом. На предложение погубить приверженцев Петра одаренные деньгами стрельцы отвечали: “Буде до кого какое дело есть, пусть думный дьяк скажет царский указ, того возьмем; а без указа делать не станем, хоть многожды бей в набат”.

Ночью на 8 августа приказано было 300 строевым стрельцам идти в Кремль. Между ними нашлось несколько человек, решившихся донести в Преображенское. Они отперли церковь, позвали священника и, целуя крест и Евангелие, присягнули друг другу в верности. Двое стрельцов поскакали в Преображенское. В полночь прискакали они в село и велели будить царя. Петра будят, торопят к бегству, кричат: “Стрельцы идут в Преображенское!” Петр, не помня себя, вскочил с постели и в одной рубахе кинулся в конюшню. В соседнюю рощу принесли ему одежду. Вскочив на коня, он поскакал в Троицкую лавру. Утром утомленного, измученного царя сняли монахи с лошади и уложили в горнице на кровать. Со слезами на глазах рассказывал Петр игумену об ужасной опасности, грозившей ему из Москвы. Следом за царем прибыло “потешное” войско. Толпами шли к монастырю его придворные и приверженцы. Стали вооружаться, привозили порох, мортиры, пушки. Готовились к решительной борьбе. Вскоре приехали в монастырь мать, жена и сестра Петровы. На другой день выступил из Москвы Сухарев стрелецкий полк “с поспешанием для оберегания его, великого государя, и все его государского дому здоровье~ И был тот полк весь при нем в пути от Москвы до монастыря и в монастыре неотступно”.

Но тревога оказалась ложной. Софья собирала в Кремль стрельцов для собственной защиты. “Вольно ему беситься”, – сказала она, узнав о бегстве Петра.

После молебна правительница говорила провожавшим ее стрельцам: “Если бы я не поопаслась, всех бы нас передавили “потешные” конюхи”.

Борьба затянулась до середины сентября. В монастырь вызывали приверженцев Софьи, допрашивали, пытали. Шакловитый долго запирался; после пытки он сознался, что был умысел поджечь Преображенское и убить царицу, но против жизни царя никогда не замыслили. Василий Голицын спасся только заступничеством своего двоюродного брата Бориса. С защитниками Софьи расправились пыткой, кнутом и смертной казнью при большом стечении народа.

Борьбу с правительницей Петр затеял вовсе не из желания самому править государством. Никаких политических целей у него не было и не могло быть. Натура порывистая и деятельная, Петр жил потребностями минуты, личными страстями и интересами своих окружающих. Он не теоретизировал и не составлял заранее планов. Его даже не тянуло в Москву, в Боярскую думу, в Кремлевский дворец. Он не чувствовал влечения к забавам и занятиям московских царей. Не любил соколиной охоты, не проводил целые дни среди дураков и шутов, не понимал музыки и театра. Не нравились ему чинные казенные собрания, в которых все движения размерены и предусмотрены этикетом. Он задыхался на чопорных придворных обедах, в полдень или в десятом часу вечера. Московская знать возмущала его своей ленью, спесью, чванством, почтенными бородами и неудобным длинным одеянием.

Борьба с Софьей вызвана инстинктом самосохранения, опасностью, грозившей Петру из Москвы. Против правительницы были мать и родственники, их наговоры и жалобы, наконец, убеждение и интересы всех недовольных ее правлением и приверженцы молодого царя, достигшего совершеннолетия.

Из Троице-Сергиевой лавры Петр отправил к старшему брату письмо, в котором объяснял, что пора им самим править государством, что они уже совершеннолетние и могут обойтись без руководства третьего лица; со своей стороны, Петр обещал почитать старшего брата. Правительнице царь передал через боярина Троерукова приказание оставить правле-

ние и удалиться в монастырь. После некоторого сопротивления Софья, в конце сентября, поселилась в Новодевичьем монастыре. У ворот его, по приказанию Петра, поставлены караулы солдат “потешных” полков.

6 октября 1689 года молодой царь торжественно возвратился в Москву. Старший брат встретил его в Успенском соборе, передал ключи от Кремля и предоставил Петру всю власть, именуясь только на первом месте в государственных грамотах.

Глава II. Начало единодержавия

Верховная власть перешла в руки семнадцатилетнего Петра. Первые пять лет отмечены полной бездеятельностью его как во внешней политике, так и во внутренней жизни государства. Эти годы “протекли в военных экзерцициях, в маневрах на суше и на воде, в фейерверках и веселых пирах”, говорит биограф Петра, Устрялов. Петр не чувствовал влечения к политике, как ее понимали московские правители. Наставники и близкие друзья молодого царя не играли почти никакой роли в государстве; иностранцы же были едва терпимы в русском обществе. Ни те, ни другие не смогли подготовить юного самодержца к исполнению высоких обязанностей государя, не сумели внушить ему интереса к делам управления и политической деятельности.

Эти годы совпадали с тем периодом в жизни Петра, который немцы называют *Sturm und Drang* – буря и натиск. Юный царь не был разборчив в своем обществе. Он остался верен “потешным” полкам и друзьям из Немецкой слободы.

Петр еще не обобщал своего чувства на всех иностранцев: отношения его к ним завязывались сами собой, без всякой предвзятой мысли. В Троицкой лавре царь сошелся с Лефортом и Патриком Гордоном, через Гордона стали ему известны Мегден и Виниус, а Виниус познакомил с Кревстом и т. д. Особенно тесная дружба завязалась у Петра с красноречивым женовцем Лефортом, который будто бы внушил ему любовь к европейской жизни и мысль о преобразовании России. Но едва ли личное влияние Лефорта было таким могущественным, как утверждают некоторые историки. Более вероятно мысль Брикнера: “Немецкой слободе было суждено служить звеном между Западной Европой и Петром во время его юношеского развития”. Любой из ее жителей мог рассказать Петру об европейских обычаях и порядках. Сношение с Немецкой слободой было продолжительным и постоянным. Его привлекали в слободу женщины, увеселения, приятели и наставники. Лефорт заслужил любовь и доверие царя своей правдивостью, бескорыстием, умением устраивать пиры на славу и остроумными беседами. Но он ничего не понимал в морском и военном делах, которые стояли у Петра на первом плане. Подобно Лефорту, другие приближенные юного царя не отличались деловитостью и познаниями. Как истые космополиты, они несколько не были заинтересованы преобразованием русского общества. Теперь им жилось вольготно и весело, но держались они только московским царем. Когда от разгула и неумеренных трудов Петр тяжело заболел, вся его веселая компания пришла в неопишуемый ужас. Лефорт, Борис Голицын, Апраксин, Плещеев и другие запаслись лошадьми, в намерении при первой опасности бежать из Москвы. Имена этих первых сотрудников царя остались бы неизвестны потомству, если бы сам Петр “не озарил их своею славою, как яркое светило бросает лучи на своих спутников”. Весьма естественно, что иностранцы порицали при царе русские обычаи и хвалили все европейское; но, наверное, никто из них не оказал на него решительного влияния и не развивал перед ним планов преобразования государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.